

С.Н. Булгаков

ГОНЕНИЯ НА ИЗРАИЛЬ*

(Догматический очерк)

Снова гонимыми являются сыны Израиля, вчера еще как будто торжествовавшие, правда, гонимыми не во всем мире, по крайней мере не в Америке, где они скорее еще торжествуют, однако в Европе, и снова уже в России. Неизвестно, когда оно, это гонение, остановится и чем кончится. Но сейчас уже оно становится жестоким и губительным, причем главными вдохновителями его и гонителями являются Гитлер и расисты. Гонение распространяется не только на взрослых, мужчин и женщин, но и детей, которые отделяются от родителей или же вместе с ними берутся в лагерь и ссылку, обрекаются на истребление. Снова и снова исполняются слова Христовы: "плачьте о себе и о детях ваших" (Лк. XXIII, 28), "ибо, если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет" (31). А над всем этим снова и снова звучит страшный самоприговор Христовых распинателей: "кровь Его на нас и на детях наших". (Мф. xxvii, 25). Однако ответом на это является и слово Павлово, что "ожесточение произошло в Израиле отчасти" (Рим. XI, 5), ибо наступит время, когда "весь Израиль спасется" (26). Есть начало и конец, избрание и призвание Израиля, как его новое возрождение после ожесточения, ибо "дары и призвание Божие непреложны" (Рим. XI, 29), и все обетования Бога, данные Аврааму, сохраняют всю свою силу. Но перед лицом этого гонения снова и снова возникает вопрос о судьбах избранного народа в его отвержении. Что оно означает для самого этого народа и чад его, о которых сказано самим Христом: "не плачьте обо мне, но... о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: "блаженны неплодные... и сосцы непитавшие"? (Лк. XXIII, 29). А далее и для всех: "тогда начнут говорить горам: "падите на нас", и холмам: "покройте нас". Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?" (30, 31). Такова мука и недоумение пред лицом происходящего, которые являют собой "тайну". (Рим. XI, 25). Ибо они являют собой, с одной стороны, наказание Божие и отвержение, роковое последствие избранничества, не оправдавшего себя, но с другой - и таинственное возрождение. Израиль и в отпадении своем не перестает быть народом избранным, сродником Христа и Пречистой Матери Его, и это кровное родство не прерывается и не прекращается и после Рождества Христова, как оно имело силу и до него, - вот факт, который надо продумать и постигнуть во всей силе его, в его догматическом значении, в применении к судьбам Израиля. Эта связь крови нерушима так же, как дары и избрание Божие непреложны, и даже в состоянии отвержения, однако лишь временного, - таково прямое свидетельство апостола Павла. Каковы могут быть основания для принятия этой истины и какие отсюда следуют выводы? Надо понять идею родословной Христа как "Сына Давидова, Сына Авраамова" (Мф. I, 1), как Сына Богоматери, глубже и шире в применении к Израилю, как народу избранному, народу Божию, земным предкам Спасителя, но и не только к предкам, но и единоплеменникам, в применении не только к прошедшему, но и настоящему и будущему. Надо принять всю неразрывность этой связи, с начала человеческого рода, от Адама (согласно родословной евангелиста Луки) и до конца истории. И эта связь не разрывается и не упраздняется отвержением Израиля, поскольку, по апостолу Павлу, "если корень свят, то и ветви" (XI, 16) сей маслины Божией. Эта связь корня и маслины со Христом проявится в тот урочный срок, когда "весь Израиль спасется". Но вот основной вопрос, который при сем возникает: если

земные предки Спасителя, участвуя в Боговоплощении по человечеству своему, тем самым имеют свою долю участия и в искуплении и со Христом состраждут, то сродники его по плоти после Его воплощения сохраняют ли эти связи, это свое участие в искуплении? Отделяется ли Христос от народа Своего, после того как он в Богорождении, в Рождестве Богоматери, как будто уже совершил свое дело, или же Он остается с ним соединенным? .

Родословная Христа

По человечеству Своему Христос свидетельствуется евангелистом (Мф. XI, 1) как "Сын Давидов, Сын Авраамов". Генеалогия св. Луки, излагаемая в обратном, восходящем порядке, также включает в себя оба имени: Давидово и Авраамово, и постольку не отличается от первой. Обе генеалогии, как известно, различаются между собой в деталях, в общем числе перечисляемых предков, их имен, и вообще представляют собой известную схематическую стилизацию. Конечно, обе генеалогии не ставят целью историческую точность и полноту, и объяснение их известных различий представляет непреодолимые трудности. Однако, при всей этой разности исторической схемы и ее особой стилизации в первом и третьем Евангелиях, обе генеалогии содержат в себе определенные догматические идеи, хотя и выраженные в различной форме. Первая генеалогия Христа, как сына Авраама, сына Давида, выражает мысль о принадлежности Христа к избранному народу, имеющему праотцем Авраама, отца народа, с которым Бог заключил Завет и дал ему обетование о том, что в нем "благословятся все племена земные". Это есть свидетельство особой избранности Израиля, к которому по человечеству принадлежит Христос. Однако у Матфея этот Богоизбранный народ берется в своей особности, *вне* как бы общего контекста всемирной истории, всего человеческого рода. Здесь можно сказать самое большее, что он есть один среди других, из многих исторических народов, хотя и Богоизбранный. Генеалогическая схема 3-х частей, каждая из 14 колен, построена на факте внешне-исторического значения пленения вавилонского, до него и после него (именно вторые и третьи 14 родов. Мф. I, 17). Это есть схема национально-историческая, она дает удовлетворение иудейскому патриотизму, можно даже сказать, национализму.

Иного рода схема второй генеалогии. (Лк. III, 22-38). Она чужда национально-исторических и хронологических граней, также и того подчеркнуто царского* и патриархального характера, свойственного евангелисту Матфею. Последняя, в силу того, в сущности своей может быть выражена в этих двух определениях: "Родословие Иисуса Христа, сына Давидова сына Авраамова" (I, 1), причем это "сыновство" Давидово и Авраамово раскрывается в трех 14-коленных схемах в истории. Оба эти имени предков Христовы» хотя и названы у Луки, но они здесь не выделены в качестве главной темы генеалогии, как у Матфея, но лишь включены в общее перечисление земных предков Спасителя. Но зато эта генеалогия продолжается *за* обоих этих предков или, соответственно се восходящему характеру, восходит выше их. Куда же? Она возводится к патриархам послепотопным и допотопным, конец которых упирается в перво-человека Адама. Конечно, исторически эта генеалогическая схема не выдерживает прикосновения рациональной критики. Самый переход от истории к доисторической (и допотопной) эпохе есть догматическое построение, основанное на заведомо не-исторических, метаисторических, мифических (для эмпирического историзма) главах книги Бытия (1-11). Однако верна не эта спорная или, вернее, даже беспорная неточность этой генеалогической схемы,

но ее догматическая идея. А идея эта состоит в том, что еврейский народ, имеющий в гранях истории свою особую генеалогию, здесь, через это его включение в историю всего человеческого древа, молчаливо провозглашается с в е р χ историческим или в с е историческим. Хотя он в истории, эмпирически, проявляется лишь в определенную эпоху, но его бытие восходит далеко за ее грани, и вообще он присущ бытию человеческого рода с самого его начала в Адаме. Хотя до Авраама история не знает еврейства как особого народа, однако оно существует как основной ствол всечеловеческого древа, оно есть, можно сказать, сама онтология человечества. Древо это имеет разные ветви и отпрыски, но ствол его один, и в том нерасчлененном, недифференцированном состоянии человечества, которое предшествует истории, этот ствол имеет в себе прямых предков Авраама и Давида, т. е. еврейство возводится к Адаму как первочеловеку. Таким образом догматическая идея генеалогии Луки состоит в том, что все человечество происходит от еврейского корня, или, вернее, в себя его включает. В этом смысле приходится сказать, что и сам первочеловек Адам (конечно, вместе с Евой) был еврей, не в смысле принадлежности к этому одному из многих других племен и народностей, но в смысле универсальной единственности своей: все народные ручьи и потоки вливаются в него или из него исходят. Адам есть всечеловек, но он же есть и еврей, каковое еврейство и раскрывается в его историческом бытии, уже в образе Авраама, отца народов, и царя Давида. Угодно ли нам это или не угодно, но именно это свидетельствуется в евангельской родословной, включая в нее и книгу Бытия. Историческим сюда комментарием может явиться следующий факт. Хотя для еврейского народа устанавливается историческое бытие лишь со второго тысячелетия до Р. Х. (и в этом смысле он, конечно, представляет собой в этой древности своей настоящее чудо истории), однако он не является древнейшим из тех народов, которые знает история: египтяне, вавилоняне хронологически ему предшествуют (на основании, по крайней мере, существующих источников) на добрую тысячу лет.

Но эта историческая хронология может, конечно, и не противоречить тому строению человеческого рода, которое сокрывается в глубинах метаистории или онтологии человечества. Можно, во всяком случае, допустить, что исторически засвидетельствованное появление на арене истории древнейших народов еще не является изначальным, но имеет для себя предшествующее ему происхождение от изначального корня перво-Адама. Здесь, конечно, умолкает история, но свидетельствует откровение. Эта мысль, так сказать, об еврействе перво-Адама, а вместе и *все-Адама*, всечеловека, совершенно и в точности соответствует христологическому догмату о Богово-плотении Христовом. Ибо человечество Христово исторически и конкретно и даже эмпирически соединяет Его именно с еврейством; Христос по плоти, по человечеству Своему, согласно Евангелию, был иудей, а вместе с тем воистину всечеловек, который в человечестве Своем в себе соединяет, в себя включает все народности всего человечества. Таким образом, это говорит одинаково как о личном еврействе самого Христа, так, вместе с тем, и о со-еврействе всего человечества в Нем. Во Христе, как в Богочеловеке, иудее по плоти, несть эллин или скиф, но все соединены во Христе.

Но она (историческая хронология) восходит у Луки (лѳ, 38) еще выше, к самому последнему основанию, именно, что Христос, как сын Адамов, есть сын "Божий". Иными словами, человеческая генеалогия возводится в небеса и утверждается в них. Бог, как Творец человека, творит его по образу и подобию Своему. И это есть Адам, который является в конкретном бытии своем как еврей. Отсюда необходимо заключить, что и полнота образа Божия в человеке дана в иудее, небесный первообраз человека на земле выражен в иудействе. Вот что

содержит в себе генеалогия Христа и церковная догматика, в частности, и Халкидонский догмат.

Тайна Израиля

Сказанное участие Израиля в искуплении свидетельствуется одним евангельским событием в церковном его истолковании, это именно избиение первенцев иудейских Иродом. (Мф. II, 13, 17). Событие это, по ссылке евангелиста, предуказано было в пророчестве Иеремии, которое применимо к данному случаю. Этим свидетельствуется, конечно, его особая важность. Замечательно и его истолкование церковью, которая прославляет младенцев (29 декабря) как мучеников за Христа. Что это истолкование в себе содержит? Согласно этой канонизации убиенных младенцев в чине мученическом, на них еще ранее страсти Христовой распространяется сила искупления: Ирод их "содела мученики ... и граждане вышнего царствия", "лик младенцев приведенся мученическою кровию ... еже вселил еси во обители присноживотные" (стих, на Господи, возвах) ... "младенец множество мученически, по Бози всех пострадавши, почести страдания от него приемлет" (канон, песнь 4), "сверстници дети страдальцы Христова воплощения" (песнь 2).

Эта канонизация содержит в себе мысль огромного догматического значения, и именно в отношении к интересующему нас "еврейскому вопросу". Младенцы эти явились жертвой жестокости Иродовой, будучи чужды сознательности уже в силу своего возраста, к тому же и при отсутствии связи с Христом в его младенчестве. Конечно, есть особое таинственное избранничество этих младенцев (о нем дается намек в церковном песнопении: о Рахили здесь говорится, что она "веселится, в недрах Авраамовых ныне видящи"). Но, помимо тайны этого личного избрания, остается еще факт общего значения, который относится к особой связи, существующей между избранным народом, как призванным нарочито послужить делу Боговоплощения, и самим воплотившимся Господом. Еврейский народ является живой родословной Христа Спасителя, которая свидетельствуется в первом и третьем Евангелии, как и всем вообще соотношением между Ветхим Заветом и Новым. Оба они в совокупности своей представляют собой две части евангельского повествования о пришествии в мир Сына Божия, причем первая часть относится ко времени до Боговоплощения, вторая же к нему самому со всеми его последствиями. Хотя сама родословная Христа определяется и исчисляется лишь в ряду определенных лиц и поколений, однако это не замыкает ее, напротив, она должна быть понята в применении ко всему Израилю, что явствует из содержания ветхозаветных пророчеств, сюда относящихся. Личные предки Спасителя являются только представителями всего своего народа, носителя священной крови, таковой страшной тайне послужившей. Ветхозаветная святость предков Спасителя свидетельствуется церковью о многих и не входящих в список прямой родословной. Еврейство, как и все народы, состоит из совокупности разных индивидов, которые различаются между собой личными свойствами, однако эти индивидуальные различия не упраздняют органического единства крови и судьбы. Мало того, необходимо отнести принадлежность избранного народа, в качестве родословной Христа Спасителя, ко всей ветхозаветной его части: все ветхозаветное еврейство принадлежит к предкам Спасителя, прямо ли или косвенно. Об этом свидетельствует факт церковной канонизации, причисление к лику христианских святых многочисленных ветхозаветных праведников от Адама: патриархов, пророков, судей и различных

угодников Божиих, о которых повествует апостол Павел в 11 главе послания к Евреям (об этом же свидетельствует церковь их богослужебным почитанием в месяцеслове и проско-мидийном чине). Вся же сила избранности и святости Израиля находит для себя личное выражение в Приснодеве. Однако и она почитается церковью, как даровавшая человечество Богочеловеку, не в личном только качестве своем, но и как Новая Ева, Дщерь и Матерь избранного народа. Израиль, от которого воспринял человечество Свое Богочеловек, есть единство и органическая связь — телесная, душевная и духовная всего еврейского народа. В этом избранность избранного народа не отменяется всеми его падениями, единоличными и народными. Об этом свидетельствуют непрерываемо книги пророческие, с их беспощадными обличениями еврейскому народу, которые соединяются, однако, с неотменно данными ему обетованиями, "Заветом" Бога с Израилем во всей его непреложности, с такой энергией засвидетельствованной ап. Павлом. Израиль, как ветхозаветная церковь, принадлежит Христу, есть Его тело, Его человечество ветхозаветное, которое становится и новозаветным, включается в Церковь Христову силою самого Боговоплощения. Отсюда является очевидным, что это включение совершается не только здесь, на земле, но и за пределами земной жизни, силою "проповеди во аде", так сказать, загробного его крещения.

В контексте этого органического единства Израиля ветхозаветного только и может быть воспринимаемо и значение убийства младенцев Иродом, которые, как будто вопреки всякой внешней очевидности[^] признаются церковью мучениками Христовыми, с Ним и за Него пострадавшими. Здесь указывается наличие этой таинственной связи, соединяющей Христа с человечеством в избранном Его народе. Однако такая связь одним этим случаем не ограничивается и не исчерпывается, поскольку младенцы Израиля избивались и избиваются не одним только Иродом. По силе этой связи возникает общий вопрос о дальнейшем соотношении, существующем между Христом и Израилем в его избранничестве, уже после пришествия Христова в мир и отшествия из него, после совершившегося искупления. Оканчивается ли эта связь и это избранничество в Боговоплощении одним лишь пришествием Христа в мир и с основанием на земле церкви из всех языков? Отходит ли оно в прошлое, в Ветхий Завет, уже упраздненный, или же сила его сохраняется, хотя уже в образе новозаветного, нового избранничества? Отменено ли и отменимо ли оно? На этот вопрос имеем прямой и категорический ответ у ап. Павла именно в том смысле, что "дары и избрание Божий непреложны". (Рим. XI, 29). Именно таковое соотношение сохраняется и теперь между избранным народом и всем христианским миром: "если начаток свят, то и целое, и если корень свят, то и ветви" (16), и "не ты (говорит апостол, обращаясь к церкви языков) корень держишь, но корень тебя" (18). "Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. ... Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал" (1-2). "Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток" (5), чрез который и "весь Израиль спасется" (26).

О такой непрерывности избрания Израилева свидетельствует апостол, в свете этого свидетельства надо понимать другие, как будто ему противоположные указания, говорящие об отвержении Израиля.

Что же изменилось, что произошло в отношении Христа к избранному народу после того, как последний отрекся от Него? Вникнем в сказанное об этом в Евангелии и прежде всего в слова Самого Христа. После страшного обличения книжников и фарисеев, духовных вождей Израиля (Мф. XXIII), Господь обращается к Иерусалиму с приговором: "*сколько раз хотел я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели. Се,*

оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: "Благословен грядый во имя Господне". (XXIII, 37-39; Лк. XIII, 31-35). Есть ли это разрыв и окончательное отчуждение? Или же это есть вынужденное разлучение, со всею его скорбностью, однако временное и в себе уже содержащее обетование грядущего воссоединения - в некоем апокалиптическом свершении? Последнее остается не открытым в образе своем, но не оставляет сомнений относительно своего наступления, и оно созвучно по смыслу указанному обетованию ап. Павла, его апокалипсису об Израиле, что "ожесточение произошло в Израиле отчасти" (Рим. XI, 25) и лишь "до времени".

Далее идет страшное повествование о предании Христа на распятие по настоянию вождей израильских и наущаемого ими народа: "распни, распни Его". Может показаться, что это требование является всенародным: у Матфея (XXVII, 22) сказано: "говорят ему (Пилату) все: да будет распят", и, далее, отвечая ему, весь народ сказал: "Кровь Его на нас и на детях наших". Однако надо взвесить все слова этого страшного и рокового текста, звучащего, как самоприговор над Израилем: есть ли это действительно полное самосознание всего народа, в котором, однако, таится грядущее иудео-христианство апостольской церкви, или же это есть голос части его, городской иерусалимской толпы, настроенной ее вождями.^[1] Но тогда - он не был голосом всего народа даже здесь, в Иерусалиме: ведь среди него было столько свидетелей чудес и учения Христова, толпами следовавших за Ним во время Его служения. Об этом достаточно свидетельствует евангелист Лука,^[2] так повествующий о распятии: "и весь народ, спешивший на сие зрелище, возвращался, бия себя в грудь". (Лк. XXIII, 48). Ранее же так говорится о шествии ко кресту: "и шло за ним множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем" (27).

И к нему-то обратясь, изрек Господь Свои милосердствующие и вместе пророческие слова: "Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших". (XXIII, 27-31).

Итак, прежде всего здесь происходит в народе разделение, и даже до противоположности: одни плачут и рыдают о Нем, другие неистовствуют: "распни Его", - и готовы принять на себя за это самую последнюю ответственность: "кровь Его на нас и на детях наших". Это же разделение простирается и на грядущую судьбу Израиля, которая для одних является неизбежным последствием принятой ими вины, как "строгость к отпадшим" (Рим. XI, 22), а для других судьбой печальной и страшной, хотя и спасительной. Это единые судьбы единого и избранного народа Божьего, "который Он наперед знал", даже в его ожесточении, которое описывается самыми тяжелыми чертами, заимствованными из ветхозаветных пророков (XI, 3, 8-10). Падение их есть (подобно как и падение

Иуды) богатство миру, и оскудение их богатство язычникам (11). И хотя Бог проявил "строгость к отпадшим" (22), но "они, если не пребудут в неведении, привьются, потому что Бог силен опять привить их" (23), и "ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени ... и так весь Израиль спасется" (25-26). Такова трагическая антиномия судеб избранного народа в истории. В ней соединяются последствия вины, вольно принятой в ожесточении, но ставшей судьбою и роком ("на нас и на детях наших"). При этом, по слову Господа, эта вина ложится на плечи как принявших вину, так и не принимавших ее и ей даже чуждых.

Однако эта единая судьба связана и с духовным обращением Израиля, которое, однако, может быть лишь делом свободной его воли. Он в отпадении своем является виновным и невиновным одновременно, но "дары и избрание Божие остаются непреложными" (29). И самой таинственной стороной из судеб

Израиля остается именно его единство. Благодаря ему вина одной лишь его части, вождей, является судьбой для всего народа, и эта часть говорит от лица своего народа, призывая на себя проклятие христоубийства и христорборчества. Но это же единство имеет для себя и другую положительную сторону: весь Израиль спасется силою спасения его "святого остатка", хотя до времени этот остаток и сокрыт в Израиле отпадением. Таким он и ныне предстоит пред лицом мира. В теперешнем его состоянии его самосознание вырождается в еврейский расизм, национальное идолопоклонство, завистливую пародию на который представляет собой расизм германский. Безбожный или же христианобор-ческий национализм избранного народа есть, конечно, жуткая картина, но сила его все-таки состоит

и единственности его избранничества, которое остается непреложным, даже пребывая в состоянии вырождения или искания. Так трагично и антиномично самое бытие Израиля, еще не осуществившего своего призвания и не явившего своего святого остатка. Потому он есть камень преткновения для всех народов, страшное искушение о христианстве для христианинствующих помимо и без Израиля. Ибо болезнь Израиля есть болезнь и всего христианства, которое не может и не должно от него отвернуться, не отвернувшись тем самым и от сына Давида и Авраамова.

Христианство без Израиля

Христианство без иудео-христианства себя до конца не осуществляет, остается неполным. Оно может обрести свою полноту лишь соединившись с иудеохристианством, как это и было в церкви апостольской, ибо эта последняя была именно таковою. Господь избрал своими апостолами и послал на проповедь научить и крестить все языки - именно своих единокровных соплеменников, но не кого-либо другого. И первенствующая церковь иерусалимская была иудео-христианская. После этого и невзирая на это, Израиль Христа отвергся, церковь же оказалась церковью языков без Израиля. Это обрекло мир на христианство без центрального своего ядра, а отвергшийся Христа Израиль на агасферизм и на христорборчество духовное. Образ Израиля в этом состоянии является роковым и страшным. С одной стороны, он является гонимым именно со стороны христианских народов, причем это гонение принимает время от времени жестокие и бурные формы — преследования и ненависти до истребления, таковы еврейские погромы даже до сего дня, а с другой стороны, он сам остается явным или тайным гонителем Христа и христианства, до прямого и лютого преследования его, как в России. Но то и другое есть еще не самая тяжелая сторона в его судьбе. Худшая же заключается в том, что отвергшийся Христа Израиль вооружается орудием князя мира сего, занимает его престол. Вся неодолимость стихии еврейства, его одаренность и сила, будучи направленными к земному владычеству, выражается в культе золотого тельца, ведомого ему изначально в качестве ветхозаветного искушения еще у подножия Синая. Власть денег, маммона являются всемирной властью еврейства. Этот неоспоримый факт не противоречит тому, что значительная, даже большая часть еврейства и донныне пребывает в глубокой нищете, нужде, в борьбе за существование, которая не находит для себя естественного исхода за отсутствием собственной страны, в силу агасферического рассеяния, состояния "вечного жида". Другое же проявление власти князя мира сего выражается в лжемессианском пафосе, в ожидании будущего, земного мессии на месте Отвергнутого и Распятого. По силе этого мессианства и всей его пламенности

сыны Израиля оказываются в ряду вдохновителей безбожного материалистического социализма наших дней.

Столь же противоречиво и духовное состояние Израиля. С одной стороны, в состоянии антихристианства и христианоборчества Израиль представляет собой лабораторию всяких духовных ядов, отравляющих мир и в особенности христианское человечество. С другой — это есть народ пророков, в которых никогда не угасает дух пророчества и не ослабевает его религиозная стихия. Однако в состоянии ослепления это есть христианство без Христа и даже против Христа, однако Его лишь одного ищущее и чающее.

В этой духовной аберрации сохраняется чаяние грядущего мессии при неведении о Пришедшем. Эта сила и вдохновение, живущие и действующие в избранном народе даже и в состоянии отверженности, есть Ветхий Завет, продолжающийся при Новом и вопреки ему. Это есть продолжающееся странствие в пустыне в землю обетованную, искание Христа в борьбе с Ним и неведении Его.

Такова судьба Израиля в ее единственности и целостности, в которой соединяется материализм и высота духовного напряжения пророческого, не находящая для себя равного.

Такова историческая и эмпирическая очевидность, имеющая для себя силу факта. Но за этим фактом стоит некая высшая действительность, которая и есть тайна судеб Израиля, а с ним и всего мира. И тайна эта есть сила "родословной" Христа, который Израилю единоплеменен, и в этой своей единоплеменности "не совлекся и не отрекся". "Им принадлежит усыновление, и обетования, их и отцы, от них Христос по плоти, сущий над всеми Бог, благословенный во веки". (Рим. IX, 4-5).

Еврейство и в состоянии отверженности находится в нерушимой связи с христианством, в единстве конечной судьбы, которая, однако, не может совершиться, пока не осуществится это единство, не раскроется его сила. Христос не придет в мир, доколе не будет призван воплем всего мира: "ей, гряди, Господи Иисусе", но в этот вопль ранее должно включиться и Израилево: "осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне!" Но это не может явиться как бы внезапным и неожиданным событием, которое противоречило бы всей его истории и ниспровергало бы все его судьбы, напротив, оно будет зрелым плодом, который таинственно созревает на корне маслины природной. Это-то сокровенное созревание вносит непрерывность в историю Израиля, которая ведет к тому, что "весь Израиль спасется", но, следовательно, уже и спасается и ныне. Такова эта тайна о его спасении. Когда тайна эта не выходит на поверхность, не становится постижимой и осязаемой, дается ее откровение. Почему, чем и как спасается Израиль, в чем этот "святой остаток", как понимать эту непрерывность избрания Божия? Будем искать ответа на этот вопрос в Евангелии.

У креста совершилось разделение Израиля на две части. "И шло за ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем". (Лк. XXIII, 27). Напротив, другие в злом единогласии "говорят ему (Пилату) все - да будет распят" (Мф. XXVII, 22), и, "отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших" (25). И изрек Свое пророчество: "сколько раз хотел я собрать детей твоих, ... но вы не захотели ... не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: "Благословен Грядый во имя Господне" (Мф. XXIII, 39), но они еще не воскликнули. И это была определенно судьба Израиля. И тогда же Господь, обращаясь к плачущим и рыдающим о Нем, произнес Свое слово: "Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших". (Лк. XXIII, 28). Это значит, что судьба всего Израиля достойна слез, одинаково

как распинающих Христа, так и плачущих о Нем, ибо Израиль один, он есть единая маслина, о которой говорится далее Господом: "если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет" (31). К чему относится это противопоставление зеленеющего и сухого? Очевидно, первое относится к пребыванию Христа на земле и к Его приятию, последнее к Его удалению от земли и отвержению, и, однако, все "сухое" дерево ожидает одна общая судьба, которая и изображается с такой неумолимостью в словах Господа. Для одних, отвергающихся, это есть возмездие, для других же, в том неповинных, - роковая судьба единого Израиля,

Это раздвоение именно продолжается и после пришествия Христова в состоянии отверженности Израиля, в его христорстве и служении князю мира сего. Оно содержит и земное торжество, земные победы, но и роковые его судьбы. Спрашиваем себя, что же таится в этих судьбах. Если родословная Христа была предварением боговоплощения, которое она собой предуготовляла, то каково же в нем участие Израиля после уже совершившегося, но и продолжающегося, пребывающего боговоплощения? Здесь необходимо не только разделить, но и отождествить это участие всего единого Израиля. Он не стал чуждым и посторонним делу Христова воплощения, но сохраняет неопознанную и таинственную с Ним связь. Если "свет и откровение языков и слава людей твоих Израиля" явлены были праведному Симеону, державшему на руках уже родившегося младенца Христа, то это значит, что они распространяются на Израиль и после-этого рождения. Такая слава, однако, не есть даровое преимущество, данное этому народу, но это есть его избранничество для участия в деле искупления человечества. Это-то участие и есть тайна его судьбы, совершающаяся в истории, в жизни древа сухого и зеленеющего. В нем неизменно сохраняется "святой остаток", "силою коего" весь Израиль спасется.

Как понять эту антиномию: совершившееся уже искупление человечества крестною жертвою Господа Иисуса Христа и совершающееся, еще продолжающееся? В ней проявляется соотношение времени и вечности, становления и бытия. Полнота спасения включает не только силу его, но и образ совершения, Ветхий Завет и Новый, а в нем и еще новейший, "последние времена", всю священную историю Нового Завета. Христос прославленный и воскресший и одесную Отца сидящий пребывает и на земле в людях Своих, с Ним соединенных через вочеловечение Его, с ними Он и еще состраждет, со-распинается. Воскресение, вознесение и прославление Христа не означает ни оставления Им человечества, ни разрыва с ним! Относительно Успения и Вознесения Пресвятой Богородицы церковь прямо учит не только о неусыпающей молитве о нас Богородицы, но и о плаче Ее о мире и с миром, и даже схождении в мир с участием Ее в его муках. Отсюда делаем применение к судьбам Израиля как особом кресте Богоматери. Применимо ли аналогичное заключение и к Господу? Сила искупления должна быть понята не только интенсивно, в его средоточии в земном служении в едином акте Гефсиманского борения и Голгофской смерти, но и экстенсивно, в смысле сострадания Христа со страждущим человечеством, и постольку с избранным народом, с ним нарочито связанным. Основная идея церковного года с его временами и сроками, памятьми и празднованиями ведь в том именно и заключается, что земная жизнь и земная страсть Христова не только закончилась в своем совершении, но и повторяется в своем *как бы* повторении или продолжении. Однако оно есть не только *как бы*, его и на самом деле надо и буквально понять, как соединение земного пути воплощения Господа с небесной славой Его. Одним словом, искупление продолжается вместе с историей мира, и будет продолжаться, доколе она

не совершится в полноте своей. Как понять это соединение совершившегося с совершающимся, небесной славы и земной страсти, это есть тайна смотра Божия и жизни Божией, кенозиса Христова, во всей его широте и глубине.^[1] Но он должен быть понят именно так. Да как же иначе и можно понять то самоотжествление Христа с каждым из страждущих и болезнующих, о котором Он сам свидетельствует на страшном суде Своим по отношению ко всему человечеству. Однако в нем, этом последнем, по прямому свидетельству откровения, как и самого Господа, особо выделена избранная часть человечества. Господь свидетельствовал во дни Своего земного служения, конечно, как и после него: "сколько раз хотел собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья". (Мф. XXIII, 37). И, конечно, с этой избранной частью Господь нарочито состраждет, делит судьбы его, доколе не совершится его спасение.

Такова христологическая сторона судеб Израиля. Ясны те выводы, которые могут быть отсюда сделаны относительно гонителей Израиля: они гонят Самого Христа в нем, так же, как и сами евреи, поскольку последние христорствуют, противясь своему собственному избранию... Поистине, "всех заключил Бог в непослушание — каждого по-своему, — чтобы всех помиловать". (Рим. XI, 32).

Так и должны мы, христиане, чувствовать и переживать судьбы Израиля, чувствуя и здесь прикосновение к непостижимой тайне смотра Божия, и такова должна быть непрестанная христианская молитва о спасении Израиля, образ коей явил сам Господь, молившийся о своих распинателях: "Отче! прости им, ибо не знают, что делают". (Лк. XXIII, 34).

Однако в самом том гонимом и страждущем Израиле мы не можем не различить как слепотствующих и, в свою очередь, гонящих церковь и распинающих Христа, так и ту избранную часть "святого остатка", которая, будучи гонимой вместе с Израилем, в то же время является гонимой за Христа, подобно младенцам Вифлеемским. Мы разумеем то и у д е о-христианство, которое уже существует в начатках своих, неся миру явление Церкви Христовой в ее силе и славе, обетованной пророками и чаемой христианами, не ослепленными враждою. Этим нарочитым избранникам Христовым дано понести тяжесть двойного креста: своего христианства по отношению к его гонителям, как и своего христианства по отношению к своим же единокровным, но не единоверным братьям, к своему народу, от Христа отвергшемуся. Удел их есть поистине пророчес-венный, но вместе и мученический. Им дано распинаться за Христа и со Христом. Они не имеют здесь пребывающего града, но грядущего взыскуют. В них открывается сила грядущего.

1942 г.

^[1] Об этом прямо и говорится у Матфея (XXVII, 20): "но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить". И вот об этой-то городской черни, жертве демагогии вождей, и сказано ниже: "весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших", из всего общего евангельского контекста (у Марка и Иоанна совсем отсутствуют аналогичные данные о народе) с необходимостью следует, что "весь народ", как здесь, так и ниже, означает лишь "все окружающие и присутствующие".

^[2] Это же разделение среди иудейского народа выражено и в повествовании о шествии в Эммаус, во время которого говорят своему спутнику ученики: "Иисус Назарянин был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его, а мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиль". (Лк. XXIV, 19-21).

^[3] Не об этом ли свидетельствует кондак Вознесения: яже на земли соединив небесным, вознесся еси во славе, Христе Боже наш, никакоже отлучайся, но пребывая неотступный, и вопия любящим Тя: Аз есмь с вами, и никтоже на вы.

* Публикуется по изданию: *Протоиерей Сергей Булгаков*, «Христианство и еврейский вопрос», УМСА-Press, Paris, 1991